

A large flock of seagulls is captured in flight against a backdrop of tall, modern buildings. The birds are in various stages of flight, with wings spread wide, creating a sense of dynamic movement. The lighting is bright, suggesting a sunny day, and the overall color palette is dominated by the blues and greys of the birds and buildings, with a warm, golden glow from the sun.

16+

КОМПІЛЯТОР

ДМИТРИЙ КУЛИШ

КОМПИЛЯТОР

Роман

Дмитрий Кулиш

Издательство
ПЛАНЖ

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6
К90

Компилятор/ Дмитрий Кулиш. — Москва: Издательство ПЛАНЖ, 2020.
— 384 с.

ISBN 978-5-6040912-1-0

Обычный российский электромонтёр влюбляется в такую же обычную программистку. Происходит короткое замыкание, горит подстанция, рушатся основы. Герои страдают, но разбираются, что к чему, и побеждают. Завтрашний день компилируется из элементов вашего сегодня. Элементы могут случайно и непредсказуемо перемешаться. Часто появляются неожиданные вкрапления, которые могут вас порадовать, а могут и огорчить. В романе «Компилятор» обсуждается, что с этим всем делать.

© Дмитрий Кулиш, 2020
© Издательство «ПЛАНЖ», 2020
ISBN 978-5-6040912-1-0

Оглавление

История Одного Землетрясения	5
Простая Правильная Жизнь Тойво Виркунена	39
Утро в Сосновом Лесу	89
Черепанов, Генерал и Богатырь	127
История Одного Обвала	175
История Одного Османа	198
История Одного Исчезновения	245
История Одного Колумба	259
Планёр Гимли	298
История Одного Датчика	305
История Одного Тоннеля	333
История Одного Бомбардировщика	338
История Одного Студента	343
Десять Тысяч Дырок	370

Т.Н.

*Ключевым достоинством,
которое я ценю в современном человеке,
является способность
быстро ориентироваться на местности.*

С. Шнуров

История Одного Землетрясения

1923 год не задался для великого американского архитектора Фрэнка Ллойда Райта. Против него ополчился весь мир. В начале была история «Императорского отеля» в Токио. Восемь лет назад консорциум токийских инвесторов, включающий представителей императорской семьи, объявил умопомрачительный тендер на проектирование и строительство главного отеля страны. Япония издавна славилась землетрясениями, поэтому в техническое задание нельзя было не заложить самые высокие стандарты сейсмоустойчивости. Отель должен был стать не только самым пышным, но и самым безопасным, а заодно уж и самым дорогим сооружением если не мира, то Японии точно.

Фрэнк только что закончил строительство большого завода макаронных изделий прямо на тектоническом разломе в Сан-Франциско и потому в сейсмоустойчивости разбирался неплохо. Осознав объём финансирования «Императорского отеля» и уровень его освещения в прессе, Фрэнк понял, что должен выиграть токийский тендер, хотя это и выглядело невозможным. В Токио съехались мировые эксперты по противостоянию стихиям с такими наградами и регалиями, каких у Фрэнка не было и близко. У него никогда не было времени на борьбу за награды — Фрэнк предпочитал заниматься конкретными делами, приносящими быструю понятную прибыль, а не прожигать жизнь на показных тусовках с плейсмент-призами неочевидной ценности.

Что ж, Фрэнк был как раз их тех, кто берётся исключительно за невозможные дела, оставляя другим делать за

него возможные. Стратегически Фрэнк решил идти привычным окольным путём. В Японии он оказался не случайно — со времён бытности молодым художником, работающим исключительно за любовь к искусству, Фрэнк приторговывал элитными японскими гравюрами, причём делал это так же талантливо, как и всё остальное. По результатам второго десятилетия двадцатого века Фрэнк вышел по обороту японских гравюр на первое место как на Среднем Западе, так и на Восточном побережье США. Среди его партнёров и клиентов находились почти все японские американисты и уж конечно все поголовно американские японисты. С их-то помощью Фрэнк и выиграл тендер, хотя нельзя не признать, что разработанная Фрэнком технология сейсмоустойчивости выглядела инновационно и внушительно. Предлагалось использовать плоские бетонные блоки, армированные титановой проволокой. Между блоками оставляли люфтящие зазоры, которые заполняли дорогостоящим герметиком. Почему титановой и почему дорогостоящим? А вот так... Если вы этого сами не понимаете, господа эксперты конкурсной комиссии, вряд ли мне удастся вам коротко объяснить.

Но даже комбинации мощного лоббирования и красивой технологии для победы было мало. Пришлось применять, так сказать, «неформатные» методы. Здесь подчитил, тут подмазал, где надо — исправил документацию. Выиграл. Мировая строительная тусовка не могла понять, как Фрэнк опередил очевидных звёзд глобального рынка. Догадывались о каком-то нерукопожатном методе и затаили к Фрэнку неприязнь. А Фрэнк, будучи как все гении человеком запальчивым и безбашенным, зло высмеивал критиков, обзывая их туповатыми бездарностями, неспособными понять глубину его технологических и управленческих приёмов!

Искренних убеждённых врагов у Фрэнка с каждым днём становилось всё больше. Когда строительство оте-

ля началось, общественность была потрясена затратами, превышавшими стандарты раза в три и бюджет раза в полтора. Денежные потоки, разумеется, шли через партнёров и друзей Фрэнка. Стройка бурлила лет пять, и все эти прекрасные годы партнёры и друзья Фрэнка богатели. Ну и Фрэнк вместе с ними. На третий год строительства в прокуратуре появились неоспоримые доказательства воровства и злоупотреблений. Когда следователи явились обследовать отель на месте, их не пустили под предлогом того, что вход на строящийся объект запрещён законами Японии. Он и взаправду был запрещён законами Японии. Поэтому завистникам Фрэнка осталось ждать конца строительства.

Весной 1923 года отель был сдан госкомиссии. Следователи, наконец, вошли в него и без секунды промедления нашли неоспоримые доказательства злоупотреблений, которые без секунды промедления превратилось в дело, которое без секунды промедления пошло в суд. На каждой бюрократической остановке дело ускоряли строгие люди в серых костюмах. Они действовали чётко, профессионально и, как вы уже, наверное, поняли, без секунды промедления, что выглядело мистически на фоне расслабленной японской бюрократии, которая обычно не грешит торопливостью. Строгие люди накинулись на Фрэнка, словно псы на бизона, болтаясь на боках великана как пиявки, не разжимая челюстей, несмотря на могучий бег и яростные рывки. Высокопоставленные свидетели с японской стороны подробно и без стеснения рассказывали о тёмных делишках Фрэнка. Рисовалась организованная группа в особо крупных размерах, и поспорить с авторами полотна было сложно.

Флегматичные японцы удивлялись скорости и размаху дела Фрэнка Ллойда Райта. В их обычной жизни такой напряг был бы возможен только в случае покушения на жизнь императорской семьи, да и всего двора во время

их летнего отпуска методом отравления растением уманоасигата церемониального напитка матча в ходе специальной чайной церемонии риндзитяною. А тут несколько кланов американцев бились на исконно японской земле не на живот, а на смерть по внешне пустяковому поводу распила госфинансирования. В те времена принципы экстерриториальности и суверенитета трактовались весьма гибко и сводились к прямым подковёрным договорённостям между правящими кланами. Обычно простые люди не удивлялись, когда американцы вдруг повышали свою активность на их земле, но тут ярость схватки стала очевидна и удивительна даже им. Объяснялось это, конечно, многогранностью и яркостью гения Фрэнка Ллойда Райта. Он умудрился наступить на такое количество больных мозолей, что его враги были готовы ехать аж в Японию за радостью мести.

Американских врагов Фрэнка больше всего злили не какие-то там смешные золотые кружочки, а тот фундаментальный факт, что через свои японские связи Фрэнк смог разрушить планы распила токийского заказа, согласованные и одобренные на ужинах архитектурного общества в Вашингтоне. Никто бы не обиделся на Фрэнка, если бы он интриговал и двурушничал в столице цивилизованного человечества — там все этим занимаются и там место этим заниматься. Но пиратствовать на тучных нивах третьего мира после того, как серьёзные люди, восседающие там, где надо, уже обо всём, о чём надо, договорились — это не по понятиям. Сейчас эта тема подробно расписана в большом американском законе FCPA¹.

---

¹Закон о коррупции за рубежом (англ. Foreign Corrupt Practices Act) — федеральный закон Соединенных Штатов Америки о борьбе с коррупцией в международной деятельности, имеющий экстерриториальное действие, то есть его юрисдикция распространяется за пределы территории США.

Вкратце, этот закон говорит, что коррупция за рубежом — это гораздо хуже, чем коррупция в Вашингтоне, потому что коррупцию в Вашингтоне можно не выносить на широкое обсуждение, а коррупцию в третьем мире скрыть сложнее. Потоки информации там контролировать практически невозможно, а даже малая утечка может и нивы загадить, и репутацию США повредить, и серьёзных людей напрячь. Делать так не надо. Этот факт решили раз и навсегда доказать в 1923 году на примере Фрэнка Ллойда Райта. К делу подошли основательно, так, что разборки быстро выплеснулись далеко за границы Японии и зодчества. Во-первых, выяснилось, что те предметы японского искусства, которыми Фрэнк успешно торговал многие годы, на удивление часто оказывались дешёвыми подделками. Одну из таких подделок умудрился купить аж сам генеральный прокурор аж самого города Чикаго, и снова без секунды промедления возникло второе, уже абсолютно американское, дело по мошенничеству в антиквариате.

Во-вторых, Фрэнк любил женщин. У него за плечами уже было три развода, каждый со своей бурной историей, но вот только что в Чикаго он встретил очаровательную русскую балерину Ольгу Ивановну Лазович и влюбился по уши. Мужчиной Фрэнк был завидным — балерина быстро влюбилась в ответ, переехала к нему жить и забеременела. Но вот незадача, оказалось, что у Ольги есть муж! Причём не просто муж, а российский академик архитектуры с серьёзными связями в эмигрантских кругах и с выходом напрямую на Вашингтон. Понятно, что академик энергично подключился к флешмобу по выведению Фрэнка на чистую воду и поднял дело на федеральный уровень. Как уже повелось в этом деле, без секунды промедления. В судах Фрэнка ждали с распостёртыми объятиями.

Каждый день всплывали всё новые малоприятные факты биографии великого архитектора — много лет он врал во многих документах, имел левый наличный заработок, не делился им с партнёрами и, понятное дело, не платил с него налоги. Газеты пестрели публикациями, складывающимися в эпос о безнравственном мошеннике, развратнике и спекулянте. Подробно объяснялось, как Фрэнк обещал построить самый сейсмоустойчивый отель в мире, а соорудил подозрительную халупу, единственным смыслом которой было отмывание миллионов для Фрэнка и его подельников. А миллионы тогда, если вы в курсе, были как сотни миллионов сейчас. На удивление быстро летит время и меняется мир. Всегда к лучшему. Гораздо проще по справедливости разделить сто миллионов, чем всего лишь один.

«Мы, — писали газеты, — с ужасом ждём землетрясения и молимся, чтобы аферы этого грязного господина не повлекли за собой человеческие жертвы, вдобавок к финансовым! Надеемся, что если в результате, его грязных делишек погибнут люди, то он пойдёт уже не в тюрьму, а сразу на электрический стул, либо, если не трус, отдаст себя честным бедным японцам для “Синдзюку хакари”, раз уж сам не способен на спасение лица по благородному кодексу чести!» Суд над Фрэнком был назначен на десятое октября двадцать третьего года. Шансов выйти из суда свободным или хотя бы богатым человеком у него не было.

Первого сентября 1923 года в Токио произошло одно из самых страшных землетрясений в истории Японии, до сих пор фигурирующее в японских городских легендах как «Великое Канто». Фрэнк в это время находился дома под Чикаго. Надо заметить, что в те времена ещё не проложили не только интернет и телевидение, но даже радио. С информацией было плохо. Сначала пришла короткая леденящая кровь телеграмма: «Токио разрушен

до основания ужасным землетрясением». Больше ничего не было известно. Фрэнк не знал, что думать и просто переживал за свой отель, да и за всё Токио тоже. Когда-то он любил этот город: мистические людские водовороты Гиндзы, пропитанные шаманством и соевым соусом, помпезные дворцовые кварталы, где параллелепипеды белого мрамора весомо проглядывали сквозь притворно буйную зелень, конечную остановку трамвая в Синдзюку, где заканчивалась цивилизация и начиналась вселенная в самом её азиатско-пафосном значении: тонкое искусство, изобретательный секс, бесстыдное отмывание наличных и немислимые истязания несчастных, привезённых из Гиндзы за карточные долги или нарушение кодекса чести.

«Синдзюку харакири» обозначало неаппетитную церемонию, когда господину с холщовым мешком на голове и кляпом во рту резали живот, вываливали кишки перед господином, фотографировали, делали фотомонтаж, где заменяли мешок одухотворённым лицом и рассылали произведение родственникам, знакомым и друзьям пострадавшего. Землетрясение перемешало эти картинки внутри черепной коробки Фрэнка и выдало нечто похожее на недоваренное в спешке картофельное рагу с запахом соевого соуса, в котором между ещё твёрдых картофелин и вполне привлекательного бурого соуса плавали кишки и небритая нога кому-то неугодившего самурая.

У Фрэнка дергался глаз и болело сердце. Даже соседи по одноэтажной Чикагщине зловеще шипели, что творение Фрэнка наверняка разрушено землетрясением в пыль. Он может радоваться, что следы воровства и порока замечены, но вот за халатность с человеческими жертвами его точно прищучат. Через несколько дней пришла телеграмма от управляющего отелем: «Фрэнк: отель стоит как памятник Вашему гению. Поздравляю и спасибо!» Это уже было более позитивно, но по-прежнему

непонятно. Затем пришли фотографии и подробности! Токио и впрямь разрушился до камня. Единственным зданием, которое устояло, оказался «Императорский отель». Титановая проволока и дорогостоящий герметик спасли отель от разрушения. В здании нашли укрытие от осенней непогоды тысячи людей, оставшихся без крова. Через некоторое время там открылись даже посольства и правительственные офисы, поскольку больше им физически негде было открыться! Отель стал символом сопротивления японского народа стихиям и возрождения страны.

Представитель японской императорской семьи вручил Фрэнку Ллойд Райту большую золотую медаль какого-то непонятного, но важнейшего конкурса и объявил о назначении Фрэнка почётным внештатным академиком тамошней академии архитектуры. Технология сейсмоустойчивого строительства, предложенная Фрэнком, стала преподаваться в японских учебных заведениях. Её учили наизусть как молитву. Тема суда над Фрэнком неожиданно исчезла сама собой. Растворилась в воздухе. Свидетели с японской стороны отказались от своих неопровержимых показаний и вообще исчезли на просторах империи где-то между Внутренней Монголией и замечательным Бали. Токийский суд перестал пускать в здание американцев и разучился спикать на аглицкой мове. Ни одного вопроса к Фрэнку не осталось. Те, кто продолжали задавать вопросы, чувствовали себя неуютно.

Некоторые говорят, что Фрэнку Ллойд Райту слишком уж повезло и по справедливости он должен был бы ответить за свои тёмные делишки. Может и так. Без везения в жизни никуда. Но ведь «Императорский отель»-то он всё-таки построил! И не только отель, а ещё и массу всего, включая знаменитый и действительно волшебный красивый дом Фоллингвотер в Пенсильвании. В жизни

Фрэнка было много грязи, но было и кое-что светлое. Да, он воровал и мошенничал. Но его дома остаются памятниками искусства и архитектуры. Да, он больно ранил друзей и близких. Но с Ольгой Ивановной Лазович он прожил больше тридцати лет в любви и согласии и больше не устраивал водевилей. Хотя с Ольгой Ивановной, конечно, забаловать было сложно. Вот и разберись теперь, плохой этот Фрэнк был или хороший. Единственное, что очевидно — это то, что он хорошо строил дома, чему мы до сих пор имеем прямые, так сказать, материальные подтверждения, расставленные на просторах США и мира. Такой результат мы можем пожелать каждому.

* * *

Передача закончилась, по экрану побежали титры. Окружающий мир бросился вытеснять иллюзорную реальность телевизора. Пространство заполнилось лязгом городского ландшафта за окнами квартиры, гулом лифта в недрах многоквартирного дома и размытым гомоном людей, птиц и домашних животных внизу у подъезда. Из-за горизонта прилетел порыв ветра, продребезжал оконными рамами, совершенно по-русски вечно непригнанными, протиснулся сквозь приоткрытую форточку и принес с собой свежесть летнего дождя, только что оросившего обильную листву столетних лип в близлежащем парке. Но и цепкий запах соевого соуса токийских закоулков уходить не хотел, хотя даже ему было сложно конкурировать со свежестью листвы, пятьюдесятью граммами рома и отдушками бытовой химии, витающими по квартире после влажной уборки.

Денис с удивлением подумал, что впервые за многие месяцы всерьёз пялился в ящик более десяти минут и теперь ему даже сложно оттуда выйти. Денис вовсе не мнил себя просветлённым меньшинством, проникшим в

суть и функцию шоу-бизнеса и потому противопоставляющим себя приземлённому большинству, окопавшемуся в недрах диванов и ни на секунду не выпускающим экран из поля зрения. Нет, Денис был уверен, что у каждого свой путь, и каждый должен делать то, что ему нравится. Для многих диван перед телевизором — это вполне даже путь. Если они встанут с дивана прямо сейчас, то могут навредить себе и обществу. Пока их время не пришло, пусть наслаждаются хорошо спланированным мороком. Сам же Денис не смотрел телевизор не потому, что изнурял себя умозрительным запретом, а потому что было правда неинтересно. Морок шоу-бизнеса по природе своей прост и зануден: три аккорда и две фигуры танца — когда его разглядишь, он не может не стать скучен. Окружающий мир значительно сложнее и интереснее. А тут на тебе, почти час пялился, даже рекламу не переключал.

Если честно, Денис не был таким уж специалистом по людям, лежащим на диванах. Сам он не мог пролежать дольше нескольких минут и иногда расстраивался по этому поводу. Вот бы поваляться и расслабиться как нормальные люди. Но нет, непонятное шило, воткнутое куда-то в нижний отдел позвоночника подрывало и бросало Дениса на постоянные приключения, беготню и разборки. Передача зацепила Дениса именно потому, что в одном из таких приключений он встречался с Фрэнком Ллойдом Райтом. Ну, то есть не с ним лично, но с его наследием.

На заре студенческой юности Денис с друзьями мыл тарелки в ресторане города Филадельфия по программе молодёжного обмена между Россией и США. Программа позволяла российской молодёжи целое лето заниматься чёрным низкооплачиваемым трудом на североамериканских просторах. Для того, чтобы попасть в эту программу, надо было проявить навыки и свойства лично-

сти, явно превышающие набор качеств, необходимый и достаточный для чёрного низкооплачиваемого труда. Требовалось быть не только трудолюбивым, но ещё и целеустремлённым, англоговорящим и, наконец, способным заполнить три страницы заявления без ошибок мелким разборчивым почерком. К тому же необходимо было иметь две тысячи долларов наличными на авиабилет с первыми расходами. Деньги потом возмещали, но всё равно таких героев в России тех времён было, прямо скажем, мало, и даже в России тех времён они уже могли найти себе достойное применение.

Тем не менее авантюристы типа Дениса заполняли анкеты, понимая, что суть программы состоит не в мытье тарелок, а в познании и освоении далёкого манящего пространства, заполненного небоскрёбами, ковбоями, закусочными, секвойями, каньонами, долларами и прочими глобальными брэндами счастья и восторга, которые по результатам бурного двадцатого века почему-то все оказались в США, причём в основном в Сан-Франциско и в Нью-Йорке. Отчего счастье и восторг концентрировались именно в этих двух точках никто особо не задумывался, но юноши и девушки всего мира, которые хоть на секунду предполагали, что на том берегу трава зеленее и конфеты вкуснее, наостряли лыжи исключительно в Штаты. А поскольку любая деятельная молодая девушка или юноша обязательно в какой-то момент это предполагает, либо, по крайней мере, хочет проверить гипотезу, то их всех неудержимо рвало через океан.

В Филадельфии Денис мыл тарелки со студентом-математиком, который потом заработал тьму денег на Уолл-стрит, варганя алгоритмы высокочастотного трейдинга, со студентом-архитектором, очередь к которому стоит сегодня от Рублёвки до Стрельны и Конча-Заспы, а также с примой-балериной заштатного театра, которая уже давно является примой незаштатного театра и часто

появляется всё в том же ящике. С такой блестящей компанией Денис больше никогда не оказывался надолго бок о бок в одном окопе, поэтому всё, связанное с Филадельфийщиной, вспоминалось ему с удовольствием и даже восторгом.

В одну из пятниц студент-архитектор сообщил команде, что он подписал местного с машиной отвезти их к усадьбе Фоллингвотер, «Дому над водопадом», лучшему творению лучшего в мире архитектора Фрэнка Ллойда Райта. Денис вовсе не хотел тратить выходные на то, чтобы тащиться неизвестно куда, но друг-архитектор говорил с таким огнём в глазах, что Денис поверил, что этот самый Фрэнк чего-то да стоит. Кроме того, архитектор демонстрировал мятую сложенную вчетверо фотку этого самого дома над водопадом. Мощные прямоугольные светлые блоки врезались в весёлую зелень леса, обрамлялись кладкой тонкого кирпича, опирались на благородные скалы и расталкивались в стороны обещанным водопадом, падающим ровно по центру композиции. Было непонятно, водопад ли это встроено в здание или здание встроено в водопад, о чём архитектор не устал повторять, размахивая фотографией и тыча в неё пальцем.

Изображение пахло мужественным дорогим парфюмом с запахом кедра, что, конечно, выглядело искусственно, потому что этим кедром были спрыснуты все вещи хозяина, но сейчас аромат удачно дополнял картинку, доводя реализм чуть ли не до осязаемого шума воды. Архитектор взахлёб объяснял, что он-то думал, что Фоллингвотер находится неизвестно где, а местный друг с машиной сообщил, что дом совсем рядом. Его заказал у Райта знаменитый пенсильванский миллиардер и построил его прямо вот где-то тут. Такой шанс нельзя упустить!

«Дом над водопадом» оказался на удивление далеко. Почти весь день компания тряслась из сравнитель-

но зажиточной Филадельфии во всё более простую одноэтажную Америку. Было тесно и душно впятером в двадцатилетнем «Олдсмобиле» без кондиционера и с предательскими побегами ржавчины на порогах. Единственным утешением были голые коленки и стройные прорисованные бедра балерины, лишь слегка прикрытые махрящимися пляжными шортами. Бедра скрашивали утомительную дорогу и очевидно отвлекали водителя, что было прикольно и страшно одновременно. Грудь балерины привлекала гораздо меньше внимания. Вовсе не потому, что была маленькой, как, собственно, и положено груди балерины, а исключительно потому, что балерина и так никогда не носила бюстгальтер. Её грудью уже давно все насладились и к этому наслаждению привыкли. А вот короткие джинсовые шорты, махрящиеся по тому месту, где их обрезали ножницами, оказались главным событием выходных и мотором поездки. Шорты выглядели спонтанными и бытовыми, но позже Денис убедился, что они были тщательно подобраны, обдуманы и прилажены хозяйкой в вечном женском стремлении к созданию красоты, искусно прикрывающем подсознательный инстинкт подманивания самцов.

Последние два часа дороги пробивались через открытую нищету, заполненную сараями, амбарами и вагончиками, в которых, к удивлению Дениса, кто-то жил. От пейзажа тянуло плесенью и затхлостью — не было сомнений, что внутри сараев и вагончиков запах ровно такой же. В некоторых местах даже мусор, как антикварный строительный, так и свежий бытовой, валялся прямо у дверей, а за постройками и подавно. «Олдсмобиль» пронзал глушь как атомный ледокол вековые льды, и Денис молился, чтобы железное сердце агрегата выдержало всё это некомильфо, в которое его загнали злые люди.

Миллиардер умудрился построить дом даже не в Нефтепрогоньевске, а в лесу километрах в шестидесяти от

Нефтепрогоньевска. Миллиардер явно недолюбливал сограждан, раз так далеко от них забрался. А потом, наверное, обижался, что к нему никто не ездит в гости. Горестно всем на это указывал. Каждый подросток мечтает сбежать в одинокий дом на краю седой равнины моря, но взрослые, а уж тем более миллиардеры, должны быть поумнее вроде. Ибо то, от чего ты бежишь, и есть твоя любовь. Ибо никто не бежит от того, до чего нет дела. К тому же если тебе дали убежать, значит, никому нет дела до тебя, что должно быть обидно и больно мудрому небесчувственному человеку.

На экскурсии Денис узнал, что при строительстве Фоллингвотера Фрэнк Ллойд Райт тоже чего-то намутил с кредитами, бюджетами и арматурой, в результате чего «Дом над водопадом» не выдержал напора времени и к концу двадцатого века треснул посередине — ровно над водопадом. Пришлось закрыться на капитальный ремонт, поэтому внутрь компанию не пустили. А отель в Токио, значит, устоял, надо же! Хорошая передача. Тем не менее друзья не пожалели, что поехали, потому что светлые блоки Фоллингвотера, действительно, волшебным пронизывали зелень леса, водопад задушевно шумел, а водопадный туман заполнял каждую клеточку тела и пространства свежестью леса. Кедров не было вместе с их дорогим ароматом. Ничего, это можно было предположить.

Обратная дорога в Филадельфию в тот же день через тоску бесконечных сараев оказалась друзьям не по зубам. Решено было заночевать в придорожном мотеле, в котором затхлость давили хвойным дезодорантом. Для экономии сняли две комнаты на пятерых. Стало понятно, что один счастливчик будет делить ночь с балериной, если последняя не проявит себя полной людоедкой, что вряд ли. Ведь соглашалась же она в дороге иногда сидеть на заднем сидении втроём, не требовала предоста-

вить ей трон переднего сидения в вечное единоличное пользование! Все взоры обратились на девушку. Денис особо не пытался вступать в соревнование с математиком и архитектором, которые распустили хвосты и ходили павлинами. Тем не менее уловив момент, он высказал предположение, что к хозяину дома, скорее всего, не приезжали в такую глушь гости, а тот переживал по этому поводу. Фрэнк Ллойд Райт, конечно, заранее всё предвидел, но, будучи вдохновлённым космическим гонораром, не вступал с заказчиком в философские разговоры. Только матерился про себя, добираясь до этой тьмутаракани через провинциальное болото.

На протяжении вечера балерина восхищённо смотрела на Дениса и задорно смеялась. После бутылки местного душистого самогона, известного под названием «бурбон», выяснилось, что с ней спит Денис. Девушка элегантно и профессионально поссорила архитектора с математиком, извинилась перед американцем, что плохо понимает его неоксфордский акцент и организовала всё так, что Денису только осталось сказать «Хорошо!» решительным мужским голосом. Денис справился с задачей, и ночь удалась. Завязался бурный роман, который продолжился дома и чуть не привёл к свадьбе. Но тут балерина уехала в первое двухмесячное европейское турне, по результатам которого они с Денисом на удивление быстро и легко разбежались.

Молодые люди обычно расстаются долго и болезненно. Как минимум, с одной стороны. А тут оба одновременно поняли, что им эти конкретные отношения не нужны. Денис понял, что ему не нужна женщина, вот так запросто уезжающая на два месяца, а балерина обнаружила в ходе турне такой широкий и разнообразный выбор международных поклонников, что решила поискать ещё оптимальный вариант, не зависая на Денисе. Она рассудила, что Денис никуда

не денется, и во многом была права.

* * *

За волнующими воспоминаниями Денис просидел до конца титров передачи про Фрэнка Ллойда Райта. Там обнаружилось имя студента-архитектора в графе «Консультанты». Денис этому вовсе не удивился, потому что архитектор был широко представлен в богеме, в том числе телевизионной. Сразу набрал номер, который часто набирал много лет с неизменным тёплым чувством:

— Лёня, привет! Видел передачу про твоего любимого Фрэнка Ллойда Райта?

— Это какую? «Десять тысяч дырок»?

— Каких дырок? Передача сейчас была по телевизору. И ты там обозначен как консультант.

— Ну да, это авторская программа Володи Гайворонского. Называется «Десять тысяч дырок». Он мне показывал сценарий. Я в ужасе. И что, он меня в консультанты записал? Хм... Надо тогда денег с него попросить.

— Почему в ужасе? Я впервые за много месяцев посмотрел передачу полностью, и мне понравилось.

— Да там ни слова правды нет!

— Ни слова правды? А с виду такая складная история — отель, тендер, землетрясение, Ольга Ивановна.

— Ну да. Только тендера не было, отель землетрясением чудненько разрушился, а Ольга Ивановна нарисовалась вообще через пару лет после землетрясения. Разве что телеграмма и фотки были, но их Фрэнк Ллойд Райт себе сам организовал в плане пиар-акции. Никогда не читайте газет. Не потому, что они советские, а потому, что за каждую строчку кто-то платит.

— Нифига себе. Значит, всё обман? А ведь красивая история.

— Так часто бывает с красотой...

— А зачем этот Володя так делает?

— Он считает, что искусство наделено полномочиями подгонять реальность под красоту. Он даже считает, что в этом и заключается роль художника. Клянётся, что прочитал об этом у Хемингуэя.

— А суд-то был? А российский академик архитектуры?

— Это всё было. Но в другое время и по другому случаю.

— Блин. Зачем же так врать? А я прямо поверил.

— Слушай, чё ты так разнервничался? Ты думаешь, хоть одно журналистское расследование делается по-другому? Все истории, которые в ящике называют «правдой», на самом деле — компиляция корыстных интересов разных кланов и слоёв общества. Работа телевидения как раз и заключается в том, чтобы у этих интересов острые углы затупить, иначе небезопасно, а по плоскостям крепко склеить и швы затереть, чтобы «правда» смотрелась одним куском. Что там на самом деле происходило, никого не интересует, а мудрые люди ещё и понимают, что шансов узнать реальную историю в принципе нет.

— А спросить или, там, расследовать?

— У кого ты спросишь? Половина участников событий умерла, не успев проболтаться, а другая половина никогда не расскажет, у кого и что она тогда на самом деле отжала. А то ведь, не дай бог, делиться придётся. Володя как раз гордится тем, что он осознал, что любая история по-любому мифологизируется, и его обязанность как творца — мифологизнуть в правильную сторону. То есть в сторону красоты и любви. Он тебе ещё скажет, что те популярные нынче жанры «правды», в которых нет красоты и любви, а только скорбь и расцарапывание заживающих болячек — суть чулан трусливых

сердец, неспособных встретиться с самими собой.

Денис покрутил головой и оторопело посмотрел на трубку. Потом нерешительно уточнил:

— И в чём же Володина правда?

— Он воспевает красоту творческого созидания, хорошо сделанного дела, — деловито ответила трубка, — а на социальном уровне защищает инженеров от финансов.

— Чего?

— Ну, он делает цикл передач, доказывающий, что всё хорошее в мире создано инженерами, а менеджеры и финансисты — нахлебники. Тебе это должно быть близко.

— Я, конечно, всей душой с инженерами, но знаю множество менеджеров и финансистов, которые тоже делают дело.

— Во-во, их-то Володя и подрихтовывает. Чтобы молодые финансисты не знали этой части правды и боялись манипулировать инженерами. Чтобы у инженеров был шанс собраться с силами и прорваться.

— Звучит диковато. А почему передача называется «Десять тысяч дырок»?

— Не знаю, не успел спросить. Хочешь, позвони ему.

— Не, звонить не буду. Я — простой творец, от телевизора далёк... То есть ты правда считаешь, что все всё время врут?

— Давай назовём это не ложью, а социальным ритуалом. Если хочешь жить в обществе, надо выполнять ритуал и говорить то, что надо обществу, а не то, что ты себе напридумывал, поверив в свои иллюзии.

— Ну нет же. Я так не хочу и не буду.

— Ну и будешь бегать со своей правдой, как всё время бегаешь. Утром в парке, днём на работе, вечером за очередной любовью. Как это ты вообще в столь поздний час умудряешься держать трубку в руках? Тебе же завтра в

семь в парк!

Денис хотел было обидеться, но вспомнил, что на самом деле уже почти одиннадцать, а завтра в семь ему бежать в парк перед работой. А Лёня всегда разговаривает вот именно так. Обижаться на друга надо было лет десять назад — сейчас уже поздно. Неспроста же они общаются все эти годы. Общаются с радостью и пользой... В общем, Денис привычно послал Лёню с его очередным наездом и отправился спать. Перед сном посмотрел, что передача про дырки выходит по вторникам и четвергам в десять часов вечера. После новостей спорта. Сегодня вторник. Надо будет посмотреть в четверг.

* * *

Извечная борьба за раздел прибыли между инженерами и финансистами по иступлённости и порочности напоминает войну полов и борьбу национальных меньшинств с национальными большинствами. Во всех этих войнах одна сторона считает, что другая недоплачивает ей за титанический труд, и требует сначала люстрации, потом сатисфакции, а уж заодно ещё и санации с санкциями пополам. Подобная движуха приводит к напрочь испорченным отношениям, а иногда ещё и к нешуточным страданиям. Однако война инженеров и финансистов всегда была Денису интереснее, чем феминизм и толерантность, поскольку в ней были и ставки выше и инструменты понятнее. Если мост стоит и не падает, то все, кто его построил — молодцы. А если упал, то можно хоть как-то разбираться с документами и измерительными приборами и выяснять, чья в этом вина — управленцев или строителей. Хотя до конца определить, кто прав, кто виноват и кому больше недоплачивают невозможно ни в одной из трёх войн.

Так уж сложилось, что Денис всегда был на стороне инженеров: и по семейной истории, и по жизненному

пути. Правда, последнее время он продавался финансистам, но делал это с неохотой. Вот сейчас ему надо было писать операционную часть финансового плана «Конгора», крупного регионального энергетического холдинга со своими сетями и генерирующими активами, в основном ПГУ², которую его босс мечтал построить из сетевой компании, где Денис трудился на должности директора по эксплуатации. Писать финансовый план Денису ну совершенно не хотелось. Он бы с гораздо большим удовольствием что-нибудь поэксплуатировал – починил бы или установил. Посозидал.

Выпустившись из технического ВУЗа с дипломом инженера-электрика, Денис шесть лет честно работал в разного рода энергетических компаниях, латая дыры дряхлых постсоветских сетей, а иногда встраивая в них дорогостоящие импортные железки, которые смотрелись как самолёт среди динозавров и зачастую отказывались работать так, как обещала инструкция. Поначалу работа Дениса состояла в том, что он латал дыры своими руками. Должность называлась «Монтёр третьего разряда», что было смешно и грустно, поскольку с дипломом Денису полагалась должность инженера, а монтёрами трудились либо желторотые юнцы, либо спившиеся и принявшие эту жизнь (не без помощи алкоголя) старейшины. Увы, Дениса записали в монтёры, так как инженерские должности были заняты худо-бедно вменяемыми зрелыми мужиками, которые пили исключительно после работы, причём только когда не шабашили на мелких подработках. Молодой Денис, пожав плечами, согласился, потому что по возрасту и статусу он ещё работал исключительно из любви к искусству.

Подработки Денису были неинтересны, а пил он мало, поэтому всё у него получалось быстро и качественно. Уже

---

²Парогазовая генераторная установка

через год Денису выдали команду молодых монтеров и продвинули на инженерскую должность руководителя смены вместо одного из мужиков, который стал пить и шабашить больше, чем могла выдержать система. Мужик пришёл к Денису трезвым и горько спросил, не стыдно ли пацану подсидживать серьёзного человека, которому теперь непонятно как кормить семью. Денис покраснел и потупился, поскольку подумал, что не стыдно. Он все-го-то хочет честно работать, и ему непонятны тайные ходы фишки вокруг него.

Теперь работа Дениса состояла в распределении ресурсов и постановке задач. Все проблемы электричества в целом и энергетики в частности сводятся к наличию контакта там, где его быть не должно (это называется «короткое замыкание») или отсутствию контакта там, где ему быть положено (что называется «обрыв»). В обоих случаях происходит поломка, которая обозначается общим термином «отключение сети». В случае короткого замыкания отключение часто сопровождается пожарами электропроводки и взрывами теплоотводящих устройств, в которых закипает и фонтанирует теплоноситель, как правило, машинное масло. Проблемы решать необходимо задолго до этого эпического момента, поэтому постановка задач по эксплуатации сетей — это вовсе не теоретическое упражнение. Необходимо постоянно мониторить лабиринты и паутины сетей, чтобы вовремя обнаружить тот самый подозрительный контакт или его отсутствие. Издревле в России это решалось методом визуального осмотра и ощупывания, но вот, наконец, на рубеже веков и в нашу страну приехали контрольно-измерительные приборы. Чтобы справиться с ними, надо было чтить инструкцию.

На удивление мало молодых российских инженеров понимало, что инструкцию надо читать, не говоря уже о том, чтобы её чтить. Что эту инструкцию писал специ-

ально обученный и отобранный в далёком Нюрнберге или Шеньчжене человек. Что вместо того, чтобы изображать из себя Шерлока Холмса печатной схемы, кудесника отвёртки и виртуоза паяльника, которых так любят изображать из себя русские мужики, лучше узнать сначала, что рекомендует этот человек из Шеньчжени. Часто то, что он рекомендует, оказывается эффективнее, чем применять исконно русскую смётку и соображалку. Денис внедрил в своей группе международный слоган РТФМ³ и вверенные ему сети отключались в разы реже, чем у других, хотя были дряхлее.

Когда Денис впервые столкнулся с новым прибором, пришедшим из Японии, он наконец понял, что не сможет совсем оторваться от железок, потому что железки – это его тамагочи. Они жили своими жизнями, болели, просили ухода и, что особенно приятно, прямо зависели от него, кормильца. Теперь скучные железки Денис отдавал в опеку пацанам, а сам почти тайком возился с разноцветной и волнующей европейской и японской техникой с особым характером и норовом. И, конечно, он любил паять, потому что плавящаяся на жале паяльника канифоль, соскальзывающая янтарными каплями на трепетный ярко-белый припой – это фестиваль всех семи чувств, тотально затапливающий и обоняние, и видение, и осязание, только можно обжечься, если начнёшь трогать раньше, чем остыло. В современной аппаратуре уже и паять-то было практически нечего, а Денис всё паял и паял. Он даже ревновал к тамагочам тех монтеров, которые неразумно пытались заняться обслуживанием «его» оборудования. Спасало только то, что пацаны не любили, а иногда вовсе не умели паять. Денис шутил, что он последний представитель поколения, умеющего включать паяльник, и что он унесёт этот секрет с собой в могилу.

---

³(RTFM, англ) Прочти же, наконец, инструкцию!

Однажды Денис эмоционально изложил всю эту поэзию знакомому аудитору и тот в ответ с таким же восторгом рассказал, что эксельная пятистраничная таблица с расчетом вероятностных сценариев тоже живая. Ты меняешь один знак после запятой в банковской ставке на второй странице, и таблица начинает шелестеть, переливаться, менять очертания, зачастую выдавая в укромном уголке цифру, увидеть которую ты совсем не ожидал и которая меняет твои взгляды на Вселенную.

* * *

По утрам Денис бегал в парке. Точнее, не столько бегал, сколько преодолевал четыре километра, которые можно было накрутить по живописным дорожкам парка рядом с домом. Иногда ему бежалось, иногда просто гулялось, но удовольствие от ритуала оставалось неизменным. Поначалу Денис считал, что бег — это спорт, но потом определил, что это единственный простой действенный метод извлечения себя хотя бы на время из рабочего водоворота и вообще городской текучки, поэтому принципиально не брал с собой на пробежки телефон. Весной в парке он заряжался природным пробуждением, от которого аллергически-восторженно свербило в носу, летом подпитывался мощью и здоровыми ароматами растений, а осенью преодолевал конкретное сопротивление подмёрзших дорожек, пока холодный воздух приводил его мысли в порядок. Зимой Денис не бегал, поскольку препятствий в парке становилось чересчур много и Денис продолжал радоваться природе из окна. Хотя в спортзал всё-таки иногда вырывался, потому что если не вырываться, то тело начинает жаловаться на отсутствие нагрузки и болеть в разных неожиданных местах.

Для пробежек Денис неизменно надевал спортивный костюм, купленный давным-давно и совершенно слу-

чайно в Краснодаре у местного умельца на центральном рынке. Качество материала и швов у костюма было выдающимся, однако дизайн его прилетел на нашу планету, как минимум, с Марса, хотя, возможно, и вообще из параллельной реальности. Первые годы Денис даже стеснялся этого дизайна, но сейчас нашёл в нём символ стабильности и яркости жизни. Модные «Адидасы» и «Найки» не смогли вытеснить краснодарское чудо из Денисовых пробежек. Каждый день чудо напоминало, с какой точки начинается день и в каком направлении надо развиваться.

Вернувшись после пробежки на следующий день после передачи «Десять тысяч дырок», Денис нашёл на телефоне пропущенный звонок архитектора и удивился. Лёня был известной совой ещё со времён филладельфийщины и никогда в жизни не только не звонил в такое время, а вообще не проявлял признаков вменяемости. Тем не менее Денис всегда был рад Лёне и потому сразу набрал его номер.

— Лёня, привет! Ты явно что-то ещё хочешь мне рассказать про эту замечательную передачу, раз звонишь в такую рань.

— Доброе утро, братан! — сказала трубка Лёниным голосом, но со странной интонацией. — Как дела у тебя?

— Ровно так же, как и вчера, — с готовностью сообщил Денис, — а у тебя что-то изменилось?

— Слушай, — сказал Лёня неуверенно, — я тут невыспавшийся, и мне нужна твоя помощь. Ты не удивляйся, пожалуйста.

Денис был заранее готов простить другу утренний сумбур, но дальнейший разговор Дениса напряг. Несмотря на общую умиротворённость, Денис всё-таки грешил народным желанием понимать, что происходит, и контролировать ситуацию. Так вот, Леонид быстро дал понять, что Денис не понимает вообще ничего.

— Скажи, — строго спросил Лёня, — ты не слышал про меня какие-нибудь сплетни за последний месяц?

— Откуда у меня сплетни, — хохотнул Денис, — сплетни все у работников искусства, а я только с железками работаю. Они просты и молчаливы.

— Хорошо, а про большую стройку на бывшем лётном поле ты ничего не слышал? Из телевизора, там, или в разговорах? Идёт ли она?

Зная Лёню давно, Денис понял по голосу, что тот говорит абсолютно серьёзно и искренне просит помощи. Более того, Лёня напряжён и даже встревожен чем-то. Денис хотел поддержать друга, но не понимал, о чём речь, так что только и смог обескураженно выдавить:

— Какую стройку? Какое поле?

— Поле между Краевским заводом и вашей третьей подстанцией, — строго сказал Лёня, — я потому тебе и звоню, что это рядом с вами. Неужели ничего не слышал?

— А, это ты про поле между третьей и заводом? — более уверенно подтвердил Денис. — Поле на месте. Никакой стройки там нет. Вчера я там был.

— Вообще никакой? — деловито уточнил Лёня. — Даже забор не поставили? Даже бетонку не проложили?

— На этом поле ничего не происходит и никогда не происходило. У нас в конторе вообще считают, что это поле принадлежит заводу и у них там санитарная зона. Мы даже не знаем, что это бывший аэродром.

— Угу, — с некоторым расстройством сказал Лёня, а потом ещё раз сухо переспросил: — То есть нету стройки. Ты уверен?

— Нету стройки, уверен, — отрезал Денис, балансируя между радостью помощи другу и злостью на непонимание происходящего. Наконец, собрался с силами и позитивно предложил:

— Если тебе так интересно, могу тебя туда свозить хоть сегодня. У нас на третьей постоянно идут работы.

— Не-не, я сегодня не успею. У меня много планов на сегодня. Но если ты уверен, что вообще никакой движухи на поле нет, то я тебе благодарен. Это важно для меня.

— Рад помочь другу. Может, расскажешь, в чём дело?

Почему этот вопрос поднял тебя в столь невозможную для тебя рань?

— Да ничего интересного. Это мои корпоративные дела. Сам понимаешь, коллег расспрашивать опасно — сразу напряги и перекосы возникают. Спасибо, выручил. Рад был тебя слышать. Давно не слышал твой голос и всегда радуюсь твоей бодрости и позитиву.

— Лёнь, — Денис заговорил так строго, как только был способен, — я готов поддерживать твои игры, но иногда мне становится некомфортно. Намекни, во что мы играем.

— Какие игры? Ты о чём?

— Мы разговаривали вчера вечером. Так что ты слышал мой голос недавно. И если бы тебе было интересно, что происходит на поле, ты бы легко мимо проехал. Я же тебя знаю.

— Да? — Леонид зазвучал сконфуженно. — А о чём мы вчера разговаривали?

Денис отказался поддерживать незнакомую игру и угрюмо молчал. Потом подумал, что для друга всё-таки можно и поддержать и выдавил:

— Передачу обсуждали.

— Какую? — с неподдельным интересом осведомился Леонид.

— Про инженеров. Друга твоего Володи?

— «Десять тысяч дырок», что ли?

— Да.

— Ты смотришь передачи Гайворонского? — уже чуть ли не с восторгом, но также с недоверием и всё ещё со смущением выпалил Лёня.

— Так, — сказал Денис, — либо ты мне объясняешь, что происходит, либо я тебе по-дружески желаю хорошего дня.

— Не-не, это очень интересно, — по-новому энергично перебил Лёня, — так ты переключенец, что ли?

– Кто?

– Пе-ре-клю-че-нец, – повторил Лёня по слогам со странной настороженностью.

– Я не знаю, что это значит, – холодно сообщил Денис.

– А, понятно, – Лёня помолчал, явно переваривая информацию, потом включил непринуждённость, – так что же мы обсуждали про передачу?

– Ты сказал, что там всё враньё. И про то, что «Императорский отель» выстоял и про жену Фрэнка.

– А, вот мы о чём. Ну да, в большинстве реальностей это действительно не соответствует фактам. Но в некоторых реальностях так всё и было.

Поскольку Денис хорошо чувствовал друга, он отметил, что Леонид резко оборвался, запнулся, а потом скороговоркой сообщил:

– Во всяком случае, Гайворонский так утверждает.

– Что значит «в реальностях»? – резко заорал Денис.

– Ты пьян, что ли? Грибы всю ночь жрал и посещал параллельные миры?

– Братан, – сказал Лёня примирительно, – не обижайся. Я не могу тебе всё объяснить так сразу, если ты не в теме. Поверь другу. Повода для беспокойства нет. Но то, что ты зацепился за «Дырки» – это круто. Продолжай смотреть передачу.

– Это всё, что ты мне хочешь пояснить?

– Денис, спокойно. Скажи мне, Гребенщиков на стадионе выступал на прошлой неделе?

– Нет, на прошлой не выступал.

– Ага, понятно. А новое лекарство от рака на днях открыли?

– Открыли. Каждый понедельник открывают.

– Это правда. А ты ещё старший смены или уже директор?

— Директор, — прошипел Денис зло.

— А ты развёлся?

— Развёлся! — заорал Денис. — И ты это отлично знаешь! Что за игры?

— Понятно. Не волнуйся так. Всё хорошо. Давай на следующей неделе выпьем пива я и всё тебе объясню. А сейчас не мучай меня, друг.

Мысль выпить пива с Лёней на следующей неделе понравилась Денису настолько, что он резко успокоился. Добиться сейчас всё равно уже ничего не смог бы, а мучить друга было неправильно.

* * *

Денис так и не понял, шутил Леонид или темнил в этом странном втором разговоре. На протяжении прошедшего года Денис раза три обсуждал с Лёней свои дела и тот отлично знал, где Денис сейчас находится на карьерной лестнице и в личной жизни. Конечно, за полгода редкого общения Лёня имел право забыть эту важнейшую информацию, но прежде подобная забывчивость за ним не наблюдалась. Именно Лёне Денис звонил за советом в тот день, когда его пытались повесить до директора и именно Лёня подсказал ему гениальную отмазку про жену. Ну а Денисовых женщин и всяческие с ними сходы и разводы Лёня обсуждал с другом энергично и с готовностью.

После развода Денис проявлялся с женщинами не то чтобы неуспешным, но каким-то потерявшимся. Он быстро и бурно прошёл этапы подросткового гонора, молодёжного разврата и зрелого полигамного секса, после чего созрел для понимания величия и необходимости настоящей глубокой любви. На это ему понадобилось порядка пяти лет, хотя многие на полигамном сексе застревают на десятилетия, а иные — навсегда. В какой-то момент Денис допёр, что спать со всем, что движется, и гордо наме-

кать об этом друзьям — неинтересно. Ничего плохого в этом нет, но есть одна практическая проблема. Любовь — это же не только секс, хотя без секса никуда. Любовь — это волна, на которую настраиваются две рации и неожиданно входят в контакт. Это происходит неожиданно. Ходит такая рация, ловит рандомную волну, слышит на этой волне сигнал и вдруг бац — мир меняет краски и громкость, горизонты расширяются, а под рёбрами обнаживается запасная атомная батарейка, которая тащит так, что дух захватывает. За неимением других терминов назовём этот контакт любовью.

Так вот, если спать со всеми, то волна постоянно сбивается и сигнал пропадает. На резонанс шанса нет. Денис это понял и поэтому последние несколько лет искренне и с головой погружался в честные романы без измен, манипуляций и хищничества. Увы, резонанс не находился. Вначале романы выглядели многообещающе, но уже через пару недель в каждом из них находилось какое-то неустройство, мелочь, которая разрасталась как опухоль и не оставляла вариантов светлого будущего. Причём закономерностей никаких не просматривалось, а неустойства проявлялись постоянно, неожиданно и в разных местах.

С контактом вообще было всё сложно: судя по всему, он определялся таким количеством переменных, что решить уравнение математически не удавалось. Одно время Денис согласно мужской моде любил женщин с большой грудью. Потом с удивлением выяснил, что и с маленькой грудью всё хорошо — от секса до приятного разговора. Запутался. Задумался. И тут одна из подруг взорвала ему голову рассказом о повседневной реальности женщин с большой грудью. У таких женщин, рассказала подруга, в какой-то момент обязательно и неотвратно возникает печальное, даже трагическое понимание того, что мужчины интересуются её большой грудью не потому, что им

и вправду интересна большая грудь, а потому что они прочли в мужском журнале или услышали за пивом, что настоящему мужику должна быть интересна большая грудь.

Такие женщины познают лицемерие мужчин и жестокость мира в квадрате. Сначала они видят, что мужику они неинтересны как личность, а нужна ему только их большая грудь. А потом убеждаются, что и большая грудь ему на самом деле тоже не нужна. Точнее нужна, но не чтобы самому ею наслаждаться, а чтобы хвалиться друзьям по пиву, которым втайне она тоже не нужна, но они тем не менее шумно ею восхищаются, потому что так предписано ими же самими и подкреплено мужскими журналами, которые пишут про большую грудь и фоткают её для них же по их же тайному неискреннему заказу. И когда женщина с большой грудью наконец находит мужчину, которому реально зачем-то нужна и важна её большая грудь, то вдруг выясняется, что его отношение к ней как к личности уже не так уж и важно. То есть, конечно, важно, чтобы не ранил и не раздражал, но бабочки в животе вполне возникают не от его любви к её личности, а от его любви к её большой груди. А ведь в женских журналах написано: важно, чтобы мужчина ценил тебя не как секс-куклу, а как личность! «Ну как в этом паззле разобраться?» — с ужасом подумал тогда Денис, и ему взгрустнулось. Когда же он пересказал эту эпическую историю Леониду, друг одобрительно посмеялся и мудро заметил, что некоторые женщины с маленькой грудью так никогда и не получают возможность пройти этот духовный путь и на всю жизнь остаются в полной уверенности, что идеальный мужчина должен любить её как личность, а не как носительницу груди, пусть даже маленькой.

В какой-то момент Денис принял, что алгоритмизировать паззл не удастся, он просто стал знакомиться с

каждой женщиной, чья грудь или попа ему нравились, а после этого разбирался с её личностью. Увы, неустойчивость продолжали неумолимо находиться. Женщины удивительно профессионально маскировали свою личность и на первом свидании выглядели отлично — лёгкими взвешенными существами с эмоциями и вполне годной личностью. Однако уже на втором и третьем свидании они расслаблялись и теряли либо эмоции, либо личность, либо даже попу. То есть выяснялось, что их попа не столь привлекательна, как казалось на первый взгляд. Может быть, дело в осанке?

Постепенно Денис научился быстро отличать непроходимые варианты и вычислять женщин, которые всё-таки проходили три свидания без потери привлекательности. Тут он столкнулся с проблемой первого секса. На этом этапе на удивление часто случался коллапс. Известно, что секс срывает маски, и именно в этом, а не в мышечных спазмах кроется его истинная привлекательность. Так вот, срыв масок постоянно обнажал нечто непривлекательное, причём тут речь идёт вовсе не о груди, попе и других очевидных местах. Некоторые девушки вовсе отказывались переходить к сексу, и Денис терял к ним интерес, потому что какая же возможна дружба без секса? Другие истерили, замерзали, роботизировались либо дурели. Одни на следующее утро после первого секса начинали плакать, другие переставали разговаривать, третьи начинали хамить. При этом почти все они считали, что раз уж секс случился, то теперь с этой подводной лодки деваться некуда ни им, ни Денису. Десантирование с подводной лодки давалось Денису с трудом, поскольку мужчиной всё-таки он был добрым и чувствительным. Трудно было объяснять девушкам, что до трёх детей, золотистого ретривера и уютного гнезда с массивной мебелью и бахромой покрывал ещё надо много чего перейти и немало пудов всяких веществ съесть.

В общем, свежий развод ранил, точнее, озадачил Дениса вовсе не потому, что он потерял любовь. Озадачен Денис был тем, что жена поначалу казалась ему замечательной, прошла все фильтры и испытания и на время принесла Денису спокойствие и радость. Но вот и этот вариант обломился. Теперь Денис вообще не понимал, куда двигаться на женском фронте. Он начал сомневаться во всех гендерных аксиомах и для расширения кругозора стал дружить с геями. В этот момент Лёня очень пригодился, потому что в своей богемной тусовке он много общался с геями и знал, как те живут. Леонид с жаром объяснил Денису, что у геев жизнь будет посложнее, чем у натуралов, и рассматривать этот драматический сценарий в своей жизни надо только после того, как женская тема отработана на сто процентов. А развод как раз даёт Денису отличную возможность с новыми силами проработать эту важную тему. И вот теперь Леонид не помнит не только про Денисово директорство, но и про Денисов развод. Это так странно!

* * *

Часто именно во время утренней пробежки Денис находил план на день, а то и просто умиротворение и отвлечение, позволяющие выкрутиться из очередного водоворота жизни. Парк предъявлял полную противоположность любому возможному водовороту. Основой парка служили столетние липы, оставшиеся от поместья позапрошлого века, их обрамлял весёлый быстросменяемый подлесок, и всё это резко обрывалось к реке. Верхняя дорожка, выющаяся вдоль обрыва да над пропастью, была выложена красивой разноцветной плиткой — её несколько лет назад обустроил новый мэр под завывания оппозиции о необходимости раздать деньги пенсионерам. Здесь открывались сногшибательные виды на пойму и город за поймой, сюда прилетали свежие ветры

из далёких стран. Денис очень хорошо относился к пенсионерам, но понимал, что если раздать им деньги, то не будет ни денег, ни дорожки. А пенсионеры во все времена счастливы не деньгами, а друзьями и детьми. Тем, у которых нет ни друзей, ни детей, мы вряд ли сможем помочь деньгами. Даже в Америке такие садятся на бесплатные опиоиды, предоставляемые щедрым государством, и умирают ещё более неприятной смертью, чем простое одиночество без денег и опиоидов.

С лавочки, стоящей на берегу пруда в дальнем конце парка, открывался идиллический вид. Плакучие ивы обрамляли зеркало пруда, на противоположной стороне которого находилось современное и, наверное, хорошее кафе. По внешнему виду кафе было видно, что оно кем-то любимо и посещаемо, но сам Денис принципиально никогда до него не добегал, чтобы не смешивать цивилизацию и природу. Обычно он даже не позволял себе сидеть на первом круге, но время от времени внутренняя неустроенность и внешняя идиллия объединялись и силой усаживали его на лавку. На втором же кругу Денис почти всегда отдыхал, любуясь прудом и кафешкой. Посидев на лавочке и отдышавшись, он отрывал себя от пруда, натренированным движением разворачивался и сбегал вниз на набережную крутой лестницей, по-альпийски вывешенной над косогором на стальных опорах. Нижняя дорожка возвращалась к Денисову подъезду вдоль самой воды, где шумел камыш и возились утки. На набережной стояла избушка любителей ЗОЖ, которые постоянно бегали в реку голыми и с утробными криками мчались обратно в избушку, отчего казалось, что внутри происходит оргия. Присоединиться к оргии иногда тянуло, но Денис пробежал мимо, понимая, что для этого надо пройти несколько ритуалов, скорее всего, скучных и странных, а в результате внутри, скорее всего, тоже окажется скучно и странно.

Пробежка завершалась карабканием резко вверх по глинистому косогору, выводящему прямо к Денисову подъезду. За забором огороженной площадки в центре косогора виднелись двухэтажные бытовки. Скорей всего, там жили тихие робкие гастарбайтеры, но Денису они представлялись просветлёнными отшельниками, а бытовки — городским монастырём, растворённым всё в том же океане леса, в котором Денис каждое утро выпадал в осадок ровными прозрачными кристаллами. Так они и рассыпались кристаллами по зелёному морю парка: усталый умиротворённый Денис у подъезда, неизведанная ВИП-цивилизация кафе у пруда, животная оргия избушки ЗОЖ и возвышенные послушники монастыря бытовок.

От подъезда до пруда Денис бежал минут десять-пятнадцать в зависимости от темпа, потом спускался по лестнице к реке, а потом ещё минут пятнадцать-двадцать бежал по набережной к подножию косогора, по которому лез ещё минут десять, уже умирая. Иногда перед подъездом открывалось второе дыхание. Тогда Денис заходил на ещё один круг. Со стороны такое повторение маршрута может показаться роботически-скучным, но каждый день парк был иным. Освещение то рассеивалось, то собиралось в солнечные конусы, листва распускалась и опадала, трава зеленела и жухла, белки вылезали и прятались, вороны галдели и летали. Комбинаций было бесконечное множество и каждый день Денис общался с лесом как со старым другом-затейником, не устававшим постоянно придумывать что-нибудь новенькое. Иногда Денис терялся и тонул в зелёном океане, сохраняя ориентацию только благодаря опорным точкам типа пруда в конце верхней дорожки, избушки любителей ЗОЖ на набережной и загадочной огороженной площадке посреди чащи на подъёме с набережной. Так Денис и бегал между прудом, избушкой ЗОЖ и площадкой, ныряя в волшебство

леса, а потом выныривая на время отдышаться, держась одной рукой за опорную точку как за бакен.

Что интересно, при просмотре передачи «Десять тысяч дырок» Денис почувствовал отвлечение от водоворотов жизни, похожее на то, что случилось с ним в парке. А уж непонятные, но очевидные намёки Леонида и вовсе разожгли в нём жгучий интерес к передаче. Поэтому весь четверг и во время пробежки, и на работе Денис вспоминал инженерную передачу, а в вечером уселся к телевизору и с трудом преодолел спортивные новости, после которых побежали долгожданные титры, предвещающие следующую передачу «Десять тысяч дырок».